

VII. PERSONAL ROLE IN SOCIO-CULTURAL REALITY: ACTUAL AND POSSIBLE

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В РОМАНЕ ЕЛ. ЧИЖОВОЙ «ГОРОД, НАПИСАННЫЙ ПО ПАМЯТИ»

Н. П. Крохина

*Доктор филологических наук, доцент,
Шуйский филиал,
Ивановский государственный
университет,
г. Иваново, Россия*

Summary. In the aspect of correlation of a person's private life and the general historical life, the novel by El. Chizhova "A city written from memory" is analyzed, which is dedicated to the catastrophic transition of urban civilization for peasant Russia. It is emphasized that history, current reversal, exacerbates the existential value of life, poses the problem of not only survival, but also independent existence. It is studied how the "independence strategy" is connected in the novel with the St. Petersburg topos and family memory.

Keywords: man and history; private-general; memory; family history; "wrong time"; Christian understanding of life; city; Leningrad-Petersburg.

Человек и история, проблематика соотношения частной жизни человека и общей исторической жизни – базовая тема современной литературы. В отечественной литературе её концепты восходят к «Медному всаднику» А. С. Пушкина и «Войне и миру» Л. Толстого, обозначивших конфликт частного и общего и приоритет частного над общим. Историзм – ключевая черта эпоса, обращённого к судьбоносным событиям национальной истории. Современный роман, отражающий «незавершённое настоящее», воспроизводит всемирно-исторический переход от традиционного общества к современному, урбанизированному, промышленному, научно-техническому. Переход к городской цивилизации. Переход катастрофический, связанный с ломкой традиционного уклада жизни, с огромными жертвами, появлением лжепророков и лжеучений, создающих свою мифологию, в частности, – коммунистическую мифологию. Не случайно важнейшим жанром романа XX века становится семейная хроника, поколенческая проблематика, проблема сохранения родовой семейной памяти.

Для катастрофического XX века архетипы соотношения частного и общего в отечественной литературе заданы романом Б. Пастернака «Доктор Живаго»: история как преодоление смерти «основана Христом». «Смерти не будет», ибо «в других вы были, в других и останетесь» [7, с. 20, 61]. Историческая тема в романе Ел. Чижовой прежде всего вызывает параллели с романом Б. Пастернака: близкие навсегда остаются в памяти. «Смерти нет. Она – ничто» [11, с. 126]. Современная повесть о Петербур-

ге–Ленинграде начинается с мотива смерти как беспамятства. Этому беспамятству противостоят собираемые автором «слитки памяти»: семейные фотографии, «бабушкины слова, застрявшие в моей детской памяти, маминны рассказы», записанные на плёнку. Но смерть как беспамятство сопровождает этот рассказ, написанный по памяти: «Смерть, где твоё жало?». Оно «в моей бедной, в моей загубленной стране. В моём прекрасном, в моём несчастном городе. В моей семье» [11, с. 9], свидетеле и жертве катастрофического времени, названного в романе Чижовой «изнаночным временем» [11, с. 84]. Память как важнейшая экзистенциальная категория становится освобождением от власти времени, его преодолением. Историческая память, как полагал ещё Н. А. Бердяев, – «величайшее проявление духа вечности в нашей временной действительности...Память есть основа истории» [2, с. 58].

«Что-то сдвинулось в мире, – писал Б.Пастернак. – Кончился Рим, власть количества...Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью» [7, с. 310]. XX век – век «восстания масс» – век противостояния человека и истории, частного и общего, экзистенциального и исторического, «жизни и судьбы» (словами В. Гроссмана). В век невиданного расширения сознания «переделка жизни», «декламации о вождях и народах», отбрасывающие историю назад, «болезнь века, революционное помешательство эпохи» стали реальностью [7, с. 256, 310–311, 343]. Это противостояние человека и истории обозначено романом Б. Пастернака. Эту линию противостояния продолжает роман Ел. Чижовой. Попытка автора восстановить, собрать, как рассыпанные пазлы, историю семьи: «На что я потратила свою единственную жизнь» – «осмысливать неосмысляемое» [11, с. 315], пробиться через «изнаночное время», которое «катилось вспять» [11, с. 64]. Прямой авторский голос, обращённый к читателю, сближает повествование к литературой нон-фикшн, стирая грани между художественным вымыслом и публицистической документалистикой. Роман-воспоминание, роман-расследование сближается с дневником, «записками» [11, с. 31]. История, текущая вспять, обостряет экзистенциальную ценность жизни, ставит проблему не только выживания, но и независимого существования.

История семьи отражает разломы русской жизни, «разрезанной по живому» [11, с. 64]: революция и гражданская война, политика военного коммунизма и коллективизация, индустриализация, террор и насилие, война и блокада. «Страна погружалась в новое средневековье», его приметы: страх и доносы, «иги социализма» [11, с. 64, 159], неисчислимы жертвы, террор. Детское сознание отражает «двойную реальность, в которой живёт страна. Два мира, лицевой и изнаночный, между ними зияет дыра молчания – ствольная клетка нашего будущего двоемыслия». «На видимой стороне счастливые лица физкультурников», энтузиазм, на оборотной – страх. «Фасад Главного Штаба колышется портретами, намалёванными на тряп-

ках, – образ иконостаса, вывернутого наизнанку. По ночам с той, оборотной, стороны в город выходят бесы, перетянутые кожаными портупелями. Вместо лиц – личины. Римляне называли их: larva. Изнаночное советское время всецело их: лестницы, сведённые ужасом; проспекты и улицы; стогны града, вздёрнутые, повисшие в пустоте» [11, с. 83–84]. Согласно «большевистской изнаночной логике», «прошлое надо не просто стереть из памяти – его следует «перекоммутировать», вывернув наизнанку» [11, с. 67]. Время пронизано вывернутыми наизнанку христианскими смыслами. «Верой наизнанку» называл ещё С. Н. Булгаков жертвенное и героическое сознание русской радикальной интеллигенции [3, с. 31]. О вступлении России в «смутную эпоху», в которой «всё двоится», утверждение правды становится «одержимостью», опасности «цивилизованного варварства», писал Н. А. Бердяев в военно-революционной публицистике [1, с. 519, 590, 650, 818]. О времени «духовных подмен» и «духовной провокации» писал и С. Н. Булгаков в 1918 г. Причём поэтическое ясновидение он связывает с петербургским текстом А. Блока: Прекрасная Дама оказывается «Снежной Маской, Незнакомкой», «двусмысленным и тёмным существом», «не радуется, а пугает» явление «снежного Иисуса», 12 большевиков покажут христианство «снежное, с ледяным сердцем и холодной душой» [4, с. 126–127].

Память прежде всего восстанавливает обстоятельства рождения автора. 50-е гг., мама работала кассиршей в булочной, её судьбоносная встреча с отцом-фронтовиком, раскрывшийся мамин швейный талант и её болезнь, рождение автора в туберкулёзном родильном отделении. Но главной героиней детских воспоминаний автора становится прабабушка с маминой стороны, Евдокия Копусова, 1885 года рождения – баба Дуня. «Тонкие черты лица», из простой крестьянской семьи, но «вся деревня испокон веку – ремесленники. Валяли валенки». В лицах русских крестьян, размышляет автор, «следы тяжкого труда». «В лице бабушки Дуни следов крестьянской мрачности не найти... Правильный русский язык... Сквозь её грамотную речь... просвечивала мудрость её далёких предков. Не тронутая ни безысходностью крестьянской жизни, ни советским растлением. Во всей своей нравственной красоте. Отблески бабушкиной мудрости падали и на меня». Любила говорить метко: «Люди не вороны – в одно перо не уродятся. Лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Что народилось, то и вырастет... Не бывать калине малиной» [11, с. 37–40]. И «венец народной мудрости»: «Молчи – за умную сойдёшь». «В согласии со своими убеждениями бабушка говорила мало». Бабушкины максимы касались «врождённых свойств человеческой природы, которую не перебить, не переиначить воспитанием» [11, с. 41–42]. Бабушка «не чувствовала укорённости в новой, пролетарской эпохе» и потому не воспитывала, а учила. «Дочь Капитолину – терпению. Внучку Веру – нормальной человеческой жизни, не похожей на ту, какую её внучка видела окрест себя». «В основе моей жизни лежат разные нити. Но именно бабушка Дуня, не отдавая себе в этом отчёта, проложила ту, единственную, держась за которую, я – уже

после её смерти – выбралась из лабиринта советской жизни». В 60–е гг. баба Дуня говорила о большевиках: «Разворуют царское и сгинут» [11, с. 64–66].

Вслед за своим братом бабушка уехала на заработки в Москву, но о фабрике пришлось забыть: работница через месяц сломала правое запястье. Устроилась горничной в графскую семью, в свободное время занималась рукоделием. «Вглядываясь в бабушки – Дунино лицо, я пытаюсь найти следы времени, но не личного, прошедшего в стороне от всех «великих свершений», а общего, о котором по сию пору ведутся яростные споры». Но бабушка принадлежала другому времени. В её глазах нет ни энтузиазма, ни страха, а «сдержанное достоинство». «В том, как бабушка держит спину, видна укоренившаяся привычка к независимости. Рискну сказать: к свободной жизни. По тем временам (НЭП доживает последние дни) уже незаконная». Внучка восхищается житейской мудростью бабушки: «лет за десять до пылающих, именем инквизиторской власти, костров», опередив политику «уплотнения», «уплотнилась сама». Второй шаг стратегии – подходящая работа. «Бабушка устроилась в больницу Коняшина. Нянечкой в приёмный покой... Работа нянечки позволяла экономить» [11, с. 61–63]. Перед нами один из ярких архетипов русской литературы – образ Бабушки, хранительницы народной мудрости, воплощение жизненной силы и человеческого достоинства (см. И. А. Гончаров «Обрыв», А. М. Горький «Детство»).

В новом, христианском понимании жизни Б. Пастернак акцентировал «любовь к ближнему, этот высший род живой энергии, переполняющей сердце человека». Без энергии этой любви история семьи, рассказанная Е. Чижовой, непредставима. А также «идею свободной личности и жизни как жертвы» [7, с. 20]. Образцом искомой свободной личности для автора стала её бабушка Дуня, и внучка в своём растущем духовном осознании будет прежде всего ценить «человеческое достоинство» [11, с. 222]. Всего сложнее с пониманием жизни как жертвы. Способность на бескорыстную жертву становится в христианской традиции глубочайшим личностным выбором, неотделимым от любви к ближнему и чувства собственного достоинства. «Любовь – это жертва», как писал Андрей Тарковский [8, с. 99]. Размышляя о сущности экзистенциального мироотношения, И. Гарин определял человека как «существо, приносящее свою жизнь в жертву своему предназначению» [6, с. 8]. Жертвоприношение должно быть осознанным выбором, а не возвращением, как произошло в эпоху «революционного помешательства», к языческим массовым жертвоприношениям. «Изнаночному времени» «приносить в жертву живых людей было не привыкать». «Я родилась в лёгкое время» конца 50–х гг., пишет автор, когда «жертвы были принесены» [11, с. 118, 159]. Но история семьи приходится на время массовых жертвоприношений. Цена времени познаётся в сравнении.

Корни семьи, о которой рассказано в повести, уходят в эпоху рубежа XIX–XX веков: «В тот короткий, но ёмкий период времени российская промышленность (после много-десятилетнего застоя, связанного с затянувшимся крепостничеством) переживала доселе небывалый подъём. Этот промежуток: от середины 1880–х до середины 1890–х – впоследствии названный «золотым десятилетием», – заложил основу всех дальнейших российских достижений. Апофеоз пришёлся на 1913 год – сакральная дата, с которой государство рабочих и крестьян невротически соотносило свои собственные достижения, налегая на выплавку стали и чугуна». Считалось, что «эта навязшая в зубах парочка – в пересчёте на душу загнанного в нищету населения – оправдывает чудовищные жертвы, которые «лапотная Россия» принесла на алтарь развития промышленности. Эту горбатую идеологему – даже могила СССР не в силах её исправить – развенчивает история моей семьи» [11, с. 44–45]. История семьи обращает не к цифрам экономической статистики, а к нравственным потерям, не говоря уже о сломленных судьбах, несостоявшихся жизнях. «В нашей семье мальчики не живут» – ещё один лейтмотив «изнаночного времени» [11, с. 265, 305].

История семьи отражает эпохальный исход крестьянской России в город, связанный с промышленным подъёмом и ускоренной советской индустриализацией: «насильственный переход к мобилизационной экономике с предельной концентрацией людских и материальных ресурсов в руках государства и политическими репрессиями против целых классов и социальных групп – прежде всего «кулаков», что потом назовут «переломом российского станового хребта» [11, с. 301]. Новые жертвы связаны с «тотальным террором» 1937 г. Изданный в XXI веке «Ленинградский мартиролог» насчитывает 17 томов! [11, с. 92–93]. Новые жертвы связаны с войной, давшей «погибшее поколение» [11, с. 77] и ленинградской блокадой. «Приняв форму блокады, иконный сюжет «Сошествия во ад» воплотился в жизнь» [2, с. 83]. Автор пишет, как «бесчеловечная власть» скрывала масштабы ленинградского бедствия, прикрываясь демагогией о героизме советского народа. «Бабушка выключает радио, стоит ему заикнуться про блокадников, про их «особую стойкость и героизм» [11, с. 201]. «В блокадной памяти смерть обозначена голодом и холодом» [11, с. 117]. Автор описывает возможные способы выживания в этих нечеловеческих условиях [11, с. 120–125]. Основные тяготы блокадной повседневности вынесла на себе Капитолина, мамина мать. «Для меня – лихоманка советского лихолетья. В самом беспросветном его изводе. Для неё – жизнь. Другой она не знала... Она вынесла всё... И умерла, надорвавшись» – в 43 года [11, с. 129–130]. «В лице бабушки Дуни – словно мать и дочь разделяет цивилизационная пропасть – нет податливой бесформенности, из которой вырастает тихая покорность: родителям, традиционному укладу, судьбе. В Капитолине она, наоборот, есть..., нет «самостояния» – того основополагающего свойства городского сознания, которым бабушка Дуня, даром что родилась в деревне, обладала. Но дочери не передала» [11, с. 96]. Жизнь

бабушек автора совпала с «унизительно-трудной советской жизнью», автор описывает убогий и скандальный быт коммуналок, «вызывающее уродство» хрущовок, «пресловутые очереди», «ползучую люмпенизацию» [11, с. 275, 176, 218, 300]. И человеческое стремление вернуться к норме: «Все усилия хотя бы немного улучшить обыденное существование: купить, достать, украсить, приспособить – представляются мне заранее и навеки оправданной попыткой наладить разрушенную жизнь. Поднять её из руин» [11, с. 219].

Самой трагической стала судьба ещё одной бабушки, умершей от рака – было едва за 50 лет – в 37 году. О главной тайне рода мать молчала практически всю жизнь. Дед Василий, погибший в последние дни блокады, за которого бабушка Капитолина вышла замуж в 1930 г., принадлежал к промышленно-купеческому роду со староверческими корнями. «К началу XX века 40% промышленного капитала Российской империи сосредоточено в старообрядческих руках. Эти умелые руки монополизировали целые отрасли, в частности производство тканей» [11, с. 297]. Рябиныны владели огромной ситценабивной фабрикой в Ярославле. После 17 года Мария Лукинична, ещё одна прабабка автора (мать деда Василия) выбирает Петербург – «дело уже не о том, чтобы скрыться на какое-то время. А о том, чтобы затеряться. На всю оставшуюся жизнь». «Их тактическая задача: выжить» [11, с. 299, 302]. Мечты бабушки Мани не осуществились: «сыновья вырастут, получают образование, хорошее, университетское. Продолжат семейное дело. Даст Бог, станут вровень с Мамонтовыми, Путиловыми, Третьяковыми. Её детьми будет гордиться Россия». Теперь материнское решение: «Семь классов и – на завод. Простыми рабочими». Старший сын устроился на зону охранником: «выбрал правильную стратегию. Стратегию спасения. Но не души...а жизни» [11, с. 307–309]. Другие трое сыновей погибли на войне.

В повести выстраивается хронотоп человеческой судьбы. Автор – «ленинградка в четвёртом поколении». «После блокады кровная связь с Ленинградом стала неразрывной» [11, с. 169, 106]. Человек, всю жизнь проживший в Ленинграде, воплощает «неколебимую связь» с родным амбивалентным топосом [11, с. 171]. Двойственность задана уже в названии города: «Всякая ленинградская душа рождается петербургской; всякая петербургская – ленинградской». Не от этого ли «всё и рухнет» [11, с. 314] – ставится вопрос в конце романа. В этой двойственности отражён разлом русской жизни. Двойственен, как известно, и петербургский топос. «Петербург строился как имперский город», столица империи, роскошная «театральная декорация», город «не для людей». «Его строили холодным inferнальным пространством, где человек – щепка» [11, с. 205, 244]. «Нечеловеческое пространство» Петербурга пересекается с советской «бесчеловечной властью» – при всей её ненависти к бывшему царскому городу. План Сталина, разрушенный войной, – сравнить ветшающие царские кварталы с землёй [11, с. 234, 237, 208]. «Завоевать Петербург», как Москву,

нельзя. «С ним, с его генетическим кодом, можно только совпасть» – «исполнить собою то самое эсхатологическое пророчество, согласно которому Петербург должен рано или поздно исчезнуть» [11, с. 239]. В то же время Петербург задуман стать «европейским лицом России – в отличие от Москвы, где неизбежный душок азиатчины (этой извечной изнанки русской жизни – между Азией и Европой) со временем только крепчал» [11, с. 205]. Этот обратный дух и породил «изнаночное время». Город, по О. Шпенглеру, это «дух. Большой город – это свободный дух» [12, с. 99]. Этот дух независимости определил судьбу бабушки Дуни. И он же передан по наследству внучке как «неколебимая связь» с родным городом или завет: «Петербург – не город, а жизненная стратегия. Стратегия независимости» [11, с. 247] и приобщения к мировой гуманитарной культуре. Кумирами автора становятся Пастернак и Ахматова, Галич и Солженицын, Т. Манн, Г. Гессе, А. Платонов, М. Пруст, У. Эко, В. Вулф, Кобо Абэ и др. [11, с. 222, 271]. Кульминацией романа становятся слова автора о рождении в городе на Неве особого типа человека «*homo petersburgus*»а, для которого здешнее «нечеловеческое» пространство – живая, естественная среда» [11, с. 234]. Доминантным становится образ Исакиевского собора: «Эти улицы, дома, переулки – мне казалось, они собрались у стен Исаакия, чтобы, ёжась под невскими ветрами и припадая к его ступенчатому – на все четыре стороны света – подножью, просить защиты от варваров». Этот образ связан с тинейджерской юностью автора и его зрелостью, замыкая образ Петербурга–Ленинграда в романе: «Мои глаза видят небесную линию, над которой главенствует купол Исаакия. На него, как на маяк, я держу путь» [11, с. 229, 314].

«Стратегия независимости» в романе связана с особым городским топом Петербурга–Ленинграда как воплощения Города, Града и семейной памяти. «Город, где из-под каждой частной, человеческой судьбы проступают скрижали мироздания» [11, с. 243]. В какой-то степени «мы становимся «повторением» наших предков – их свойств, жестов, привычек». А в какой-то порываем с ними [11, с. 229]. Перед нами то, что другой современный автор называет «авторский способ существования», для Н. Венедиктовой, неотделимый от позиции маргинала, свободного в любом топосе и времени. «Собственный способ существования органичен для человека, как дыхание» и часто не требует внешнего выражения. «От подлинной глубинной жизни той или иной эпохи нам достаются случайные крохи из лирики, дневников или случайного жеста на фреске» [5, с. 40, 19, 49].

Современная литература, создаваемая вне жёстких идеологических рамок, очень жёстко оценивает результаты советской эпохи. Как размышлял в своих дневниках ещё один современник Е. Чижовой Марк Харитонов: «Царства возвышаются и падают». «Самым ценным, что остаётся в веках, видится нам жизнь отдельного человека. Самыми нетленными ценностями оказываются, как ни странно, ценности духа. Пока они витают в воздухе, пусть незаписанные, без имени создателя, – народ существует,

даже если земля его отнята, а святыни разорены» [9, с. 84–85]. За противостоянием человека и истории в XX веке стоит духовно–религиозный кризис. Недаром «бесчеловечную власть» в своём романе Чижова называет бесами, ларвами. М. Харитонов: «Они лишены были благоговения, благочестивого отношения к чуду и тайне жизни... И неудивительно, что они оказались способны проливать кровь, разрушать храмы». Лжерелигия утверждала реальность исторического абсурда: «хотели идти к благу за счёт чужих страданий, чужих жизней, которые объявлялись заранее несущественными, недостойными, второсортными, за счёт целых категорий людей, которых с самого начала предполагалось исключить или уничтожить. Это лежало в основе идеи – сознание своей исключительной правоты, классового превосходства победителей; категория побеждённых всё разрасталась: дворянство, духовенство, буржуазия, интеллигенция, кулаки...» [9, с. 274, 284].

«Изнаночное», «бесчеловечное» время приравнивало живых людей «к арматуре железобетонных конструкций», начиная «очередную кампанию по усилению или укреплению» [11, с. 168]. Человек был вторичен, а первичны интересы бюрократического государства, будь то первый этап советской эпохи с её тоталитарной этикой, будь второй, когда «жертвы были принесены», но длилось лживое, «загнивающее», «холостое» время [11, с. 264, 268, 247]. Результаты пути оценивает уже современный учёный: «Финал пути – замена этики её симулякром... Этическая и антропологическая катастрофы должны рассматриваться как главный итог российского общественного развития за прошедший век – итог процесса упадка, развязанного революцией 1917 г.» [10, с. 104]. Потому и становится в современной отечественной литературе очень важной тема исторической памяти, поколенческая тема.

Библиографический список

1. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. – М.: Астрель, 2007. – 1179 с.
2. Бердяев Н.А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – М.: Новое время, 1990. – С.23–69.
4. Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины: Сборник статей о русской революции. – М.: Новости, 1991. – С.91–156.
5. Венедиктова Над. Маргинал: культурологические раскопки // Знамя. – 2014. – № 1. – С.16-51.
6. Гарин И. Воскрешение духа. – М.: Терра, 1992. – 640 с.
7. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. – М.: Книжная палата, 1989. – 431 с.
8. Тарковский Андрей. Слово об Апокалипсисе // Искусство кино. – 1989. – № 2. – С. 95–100.
9. Харитонов М. Стенография конца века: Из дневниковых записей. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 448 с.
10. Хоружий С.С. Этапы большого пути: 1917 как веха исторического упадка России // Вопросы философии. – 2019. № 4. – С.94–107.

11. Чижова Е.С. Город, написанный по памяти: Роман. – М.: АСТ, 2019. – 315 с. Или: Звезда. –2018. –№ 10. –С.7–126
12. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ ЕДИНСТВЕННЫМ УЧАСТНИКОМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ПОЛНОМОЧИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА

М. П. Нефедкина

*Магистрант,
Средне-Волжский институт (филиал),
ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Саранск, Россия*

Summary. The article discusses the essential characteristics of a «company of one person». To compare the features of these commercial organizations, the study compares Russian and foreign legal orders.

Keywords: rule of law; legislation; legal entity; institution; organization.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью изучения специфики и содержания коммерческих организаций, образованных по принципу «компании одного лица».

В рамках нашего исследования обратимся к ситуации, связанной с правильным оформлением тех или иных решений высшего органа управления. А именно: требуют ли они обязательного подтверждения в силу ст. 67.1 ГК РФ? В. А. Микрюков в своей работе детально рассмотрел данный вопрос. Он пришел к следующему выводу, согласно которому в российском законодательстве этот процесс не определен в отношении хозяйственных обществ с единственным участником. Однако, считает исследователь, на эти специфические разновидности юридических лиц не должны распространяться правила об обязательном подтверждении решений.

Анализируя данную точку зрения, необходимо определить аргументы, доказывающие или опровергающие такие суждения. Довод в пользу необязательного нотариального оформления принимаемых решений заключается в том, что в отдельных законах о коммерческих обществах говорится следующее: в ситуации, когда общество состоит только из одного лица, на него не распространяются особые правила о сроках, порядке, подготовке общего собрания и т.д. (ст. 39 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 47 ФЗ «Об акционерных обществах»). Данные решения принимаются единолично и оформляются всегда письменно. Об этом же содержится информация в «Обзоре судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 4 (2016)».